

Значение мифологем в конструировании образа права

Ломакина И. Б.

Университет прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербургский юридический институт) (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

E-mail: lomakina7311@gmail.com

Аннотация

Введение. Статья посвящена значению мифологем в конструировании образа права. Рассматривается процесс конструирования правовой реальности в контексте формирования знаний о ней как о нормативно-правовой системе общества, основанной на конвенциональных ценностях. Особое внимание уделяется мифологизму — неотъемлемой составляющей процесса познания. В статье отмечается, что мифологемы выступают как мембрана сферы осмысленного существования людей, позволяющие бесстрашно смотреть в будущее, конструировать это будущее в соответствии с материальными условиями жизни и ментальностью народа, его идеалами и чаяниями.

Методология и материалы. Исследование основано на критическом анализе философских, социологических и юридических теорий, включая классические подходы к пониманию права. Статья написана с позиций постклассической методологии, акцентирующей внимание на контекстуальности правового феномена и его неотъемлемого бытия в жизненном мире человека.

Результаты исследования и их обсуждение. Выявлено, что конструирование образа права связано с мифологемами, выступающими цементирующим ядром всей человеческой социальности и обнаруживающими себя в интеллектуальной традиции. Поэтому мифологизация права является результатом философствования, в котором содержится смыслоориентирующая, идентификационная, интерпретационная и идеологическая составляющая. Конструирование правовой реальности неотъемлемо связано с познанием и пониманием социально значимых моделей поведения, реифицированных в мифологических формах.

Выводы. Мифология — неотъемлемый атрибут правовой традиции, в ней содержится конвенция между богами и людьми, предками и потомками. Мифологемы всегда ценностно нагружены, они закрепляются на уровне общественного сознания в текстах культуры и в качестве императива воспроизводятся в повседневных практиках. Все без исключения нормативные системы мифологичны, но в большей степени мифологично само право. Поэтому миф и его производные — мифологемы — отнюдь не архаика, а необходимое, цементирующее ядро всей человеческой социальности. Человек, сотворяя свою правовую реальность, накладывает ее с помощью мифологического мышления на преднайданный мир. В основе практически каждого типа правопонимания лежит своя идея, свой образ права, реифицированный в той или иной форме. В рамках складывающихся постклассических подходов это обстоятельство должно учитываться, мифологизация права не должна игнорироваться.

Ключевые слова: образ права, реификация, правовая традиция, правопонимание, мифологемы.

Для цитирования: Ломакина И. Б. Значение мифологем в конструировании образа права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 69–78. EDN: HLIHWO

The Significance of Mythologems in Constructing the Image of Law

Lomakina I. B.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (St. Petersburg Law Institute) (St. Petersburg, Russian Federation)

E-mail: lomakina7311@gmail.com

Abstract

Introduction. The article is devoted to the importance of mythologems in constructing the image of law. The process of constructing legal reality is considered in the context of the formation of knowledge about it, as about the regulatory and legal system of society based on conventional values. Special attention is paid to mythologism, an integral part of the learning process. The article notes that mythologems act as a membrane of the sphere of meaningful existence of people, allowing them to fearlessly look into the future, to construct this future in accordance with the material living conditions of the people's mentality, their ideals and aspirations.

Methodology and materials. The research is based on a critical analysis of philosophical, sociological, and legal theories, including classical approaches to understanding law. The article is written from the standpoint of postclassical methodology, which focuses on the contextuality of the legal phenomenon and its inherent existence in the human life world.

The results of the study and their discussion. It is revealed that the construction of the image of law is associated with mythologems, which act as the cementing core of the entire human sociality, revealing themselves in the intellectual tradition. Therefore, the mythologization of law is the result of philosophizing, they contain a semantic, identification, interpretative and ideological component. Therefore, the construction of legal reality is inherently linked to the knowledge and understanding of socially significant patterns of behavior, reified in mythological forms.

Conclusions. The constructed image of law in any culture is reified into mythologems that are fixed doctrinally in various cultural texts, thereby revealing the originality of the legal tradition. The legal tradition is a complex tradition, and not only the current generations participate in its formation, but also all the others who have already passed away. Therefore, the continuity of the scale of proper, possible and necessary behavior is historically reproduced in social practice precisely in a mythological form. Emerging postclassical approaches should take this fact into account and not turn a blind eye to an allegedly insignificant defect. Almost every type of legal understanding is based on its own idea, which is mythically objectified in one form or another.

Keywords: image of law, reification, legal tradition, legal understanding, mythologemes.

For citation: Lomakina, I. B. (2025) The Significance of Mythologems in Constructing the Image of Law. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 69–78. (In Russ.)

Введение

Знание как рационально обоснованное убеждение, а также вера в это убеждение являются результатом познания. Познание включает в себя сознательные (рациональные) и неосознанные (бессознательные) процессы осмысления (наделения смыслами) полученной в процессе конструирования права информации. Познание не тождественно непосредственному отражению действительности, и оно никогда не осуществится, если будет отсутствовать коммуникация между понимаемым и понимающим.

В древних мифах эта связь обретает особую образность и красоту, достаточно вспомнить искусного и виртуозного бога Гермеса, устанавливающего связь с богами, людьми и умершими, которые переселяются с его помощью в мир иной.

Первыми профессиональными интерпретаторами права (герменевтами) были средневековые глоссаторы, толкующие кодекс Юстиниана. Однако это не означает отсутствия у других народов подобных деятелей. С момента своего возникновения право как нормативно-регулятивная система общества, основанная на конвенциональных ценностях, имела в своем распоряжении штат «социальных архитекторов», знатоков права и вершителей судеб¹. Именно им предстояло ваять образ права, реифицируя его мифическими образами — мифологемами.

Однако до профессионализма древним ваятелям права — «социальным архитекторам» — было далеко, лишь глоссаторы, вооружившись аристотелевской логикой, положениями естественно-правовой доктрины и теологическими штудиями отцов церкви, смогли умело вывести из казусов абстрактные нормы, наделив их признаками всеобщности, системности, общеобязательности и формальной определенности, вдохнув в них веру в их всемогущество. Создаваемое таким образом право еще более реифицировалось в максимы о должной справедливости. Позже возникла другая правовая мифологема, о свободной воле индивида и о священной и неприкосновенной частной собственности, выраженная аксиомой: «право — арифметика свободы».

Мифологизм неотъемлем от процесса познания. В нем символически содержалась социальная память. Более того, как полагали Бернар Доре, Жак Брод, Ив Кло, Мишель Бертран, миф делал творческую деятельность возможной². При таком ракурсе понимания мифологии миф — основа ментальности, и он своеобразный способ сбережения и ретрансляции знаний о социально значимых моделях поведения. Мифология выступала как мембрана сферы осмысленного существования людей, позволяющая бесстрашно смотреть в будущее, конструировать это будущее в соответствии со своими материальными условиями жизни и ментальностью. В ней в абстрактной форме обнаруживали себя идеи справедливости, свободы, равнодостоинства и воздаяния.

Таким образом, мифологическое постижение реальности характеризуется понятийными конкретно-чувственными, стихийными, фантастико-аллегорическими, ассоциативно-метафорическими, бессознательно-эмпирическими схемами, вбирающими в себя философские, правовые, нравственные и моральные представления о должном и необходимом, возможном и недопустимом поведении в обществе. Изучение мифологического мышления важно для теоретиков права, потому что, как полагал М. Вебер, именно оно формировало юридическое мышление³. Характер долженствований, вне всякого сомнения, зависел, как отмечалось выше, от материальных и ментальных факторов, но благодаря реификации эти долженствования становились максимами и аксиомами, в которые боги вдохнули особый смысл, легитимировав их в глазах народа.

Методология и материалы

Статья написана на основе критического анализа философских, социологических и юридических теорий, включая классические подходы к пониманию права. Используя в качестве отправной точки постклассическую методологию, акцентирующую внимание на контекстуальности правового феномена и его бытийственных характеристиках в мире человека, отметим, что процесс реификации права был и остается важным этапом в процессе конструирования правовой реальности. Значительных успехов в изучении данного социального феномена достигли Люсьен Леви-Брюль и Клод Леви-Стросс⁴. Исследователи единодушно признают, что реификация базируется на отсутствии понимания диалектической связи между

¹ Ломакина И. Б. Мифологизация как способ переживания исторических событий // Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллективная монография / под ред. С. В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. С. 50. EDN: BPLBTB

² Цит по: Ломакина И. Б. Мифологическое мышление как протоправовое явление // Криминалисть. 2019. № 3 (28). С. 81–85. EDN: VOLWCM

³ Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ). Избранное. Образ общества / пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 84–85.

⁴ Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб., 2002; Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.

человеком-творцом и его творениями. Это своеобразное видение реальности, которая предполагает непрерывное проникновение священных сил в мир повседневного опыта. Отсюда реальность выступает как полотно, сотканное из «мифологической пряжи».

В интерпретации П. Бергера и Т. Лукмана реификация — это восприятие человеческих феноменов в качестве вещей, то есть в нечеловеческих и, возможно, в сверхчеловеческих терминах. Реифицированный мир по определению мир дегуманизированный. Этот мир воспринимается человеком как чуждая фактичность, как *opus alienum*, который ему неподконтролен, а не как *opus proprium* его собственной производительной деятельности⁵.

Таким образом, результат реификации — мифологизация. Мифологемы не могут быть ценностно нейтральными: в них изначально закладывалась социально значимая модель желаемого и должного. В мифологемах как бы содержалась конвенция между богами и людьми, предками и потомками. Поэтому мифологемы всегда ценностно нагружены. Причем мифологемы закрепляются в качестве императива и воспроизводятся в повседневных практиках не на индивидуальном уровне, а на уровне общественного сознания. Все нормативные системы мифологичны, но в большей степени мифологично право — как нормативно-регулятивная система, в основе которой лежат конвенциональные ценности.

Таким образом, миф и его производные мифологемы — это не архаика, а необходимое, цементирующее ядро всей человеческой социальности, проявляющейся в интеллектуальной традиции. Мифологемы — результат философствования, в них содержится смыслоориентирующая, идентификационная, интерпретационная и идеологическая составляющая.

Поэтому конструирование правовой реальности неотъемлемо связано с познанием и пониманием социально значимых моделей поведения, реифицированных в мифологических формах. Таким образом, человек, сотворяя свою реальность, накладывает ее с помощью мифологического мышления на преднайденный мир. Теоретизируя в данном направлении, можно сделать следующее допущение: если мир как целое совпадет с реальностью (объективной и субъективной), созданной человеком, то человек окажется примиренным с действительностью и мифы больше не нужны. Нет больше смысла мыслить мир! Человек преодолевает мир, превращаясь в универсум. Однако сейчас (как, впрочем, и в обществе традиционном) мир как целое и реальность, созданная человеком, разорваны, и миф заполняет этот разрыв. Так, например, в эпоху традиционной культуры архиважное значение имел миф о царствии Божьем. Индустриальная культура изобиловала мифами о всесиилии человека, строителе «коммунизма» (марксизм) и рациональном индивиде, минимизирующем свои издержки (либерализм). Итак, как утверждалось выше, мифологизм связан с реификацией. Мифологическое сознание не сводимо к архаическому, хотя и имеет ряд общих черт с последним.

Иное видение мифологизма в праве представил И. Н. Грязин. Используя миф и право как схожий по структуре текст, ученый утверждает, что «...миф в нашем контексте не есть нечто противоположное реальности (миф так же реален, как и что угодно другое, и мифическое означает не нереальное, а похожее на миф). Уточню на всякий случай, что он не связан с магией, фокусами и тому подобными вещами (хотя дилетанты и склонны приписывать подобное юристам... шутка!). Миф — это просто определенное культурное, семиотическое явление. Первой и наиболее очевидной параллелью является то, что оба они, право и миф, лишены линейного измерения. ...Миф может быть передан как рассказ один раз, но чтобы стать настоящим мифом, он должен быть рассказан снова и снова, через поколения»⁶.

Таким образом, мифологизм вплетен в когнитум человека, он, как справедливо отмечает В. П. Малахов⁷, участвует в «разархивации» архетипа. В этом аспекте миф — основа ментальности, он ментальная память. Стало быть, миф — своеобразный способ сбережения и ретрансляции знаний, и он, как говорилось выше, выступает как мембрана сферы осмысленного существования людей, позволяющая бесстрашно смотреть в будущее, конструировать это будущее в соответствии со своими чаяниями

⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 146–147.

⁶ Грязин И. Н. Право есть миф // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5 (298). С. 79. EDN: OZCECH

⁷ Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М.: Юнити-ДАНА, 2013. 151 с. EDN: UEKWET

и идеалами. Поэтому именно в праве, а вернее в его легитимации, содержится мифологическая составляющая.

Результаты исследования и их обсуждение

Образы права и их мифологизация в контексте классических типов правопонимания

На основании изложенного в вводной части статьи отметим, что научное сообщество без особого желания признается себе и миру в своем мифотворчестве, конструируя ту или иную модель, концепцию, теорию или парадигму понимания права. Практически все теоретики классических подходов заявляют о верифицированности и аподиктичности своих выводов, истинности и реалистичности своих концепций. Между тем, как отмечает И. Л. Честнов, классические подходы сегодня утратили свой эвристический потенциал, поэтому новые реалистические подходы понимания права должны стать теоретическим основанием практико-ориентированной юриспруденции, им предстоит ответить на многие сложные вопросы и, прежде всего, что считать существующим в правовой реальности или как существует правовая реальность.

По мнению И. Л. Честнова, «„существовать“ означает быть воспринимаемым, признаваемым (или принимаемым и значимым) и практически используемым людьми, социализированными в соответствующей правовой культуре и живущими в данном историческом и социокультурном контексте. В таком случае правовая реальность (любой правовой феномен) „реально существует“, если воспринимается и фиксируется в соответствующих юридических формах, наделяется значимостью (или легитимностью в широком смысле слова) и производит (порождает) юридически значимые последствия в виде действий, понимаемых в широком смысле слова как юридические акты. Этим, конечно, бытие как существование права не исчерпывается, однако через эти модусы проявления права возможно и перспективно практическое реалистическое его измерение»⁸.

Вне зависимости от типа правопонимания, осмысление права и определение его значения для жизни общества не может быть идеологически нейтральным. Поэтому современная российская философия права (понимаемая в широком смысле. — И. Л.), как прозорливо замечает А. И. Клименко, должна освободиться от социальных мифологических конструкций, используемых в идеологических целях. Упоная на марксистскую философию права как на единственно научно верную, автор заключает: «И следует признать, что марксистская философия права в этом плане имеет очень хороший потенциал для анализа современных буржуазных теорий в сфере права и теорий справедливости вообще. Важно отметить, что в систему марксистских философско-правовых взглядов должна войти и история философско-правовых идей. Только руководствуясь историческим материализмом и диалектическим материализмом, можно обнаружить теоретическую и эмпирическую несостоятельность как современных буржуазных правовых теорий, так и мифологичность и идеологическую обусловленность развития политико-правовых и философско-правовых взглядов в исторической ретроспективе, их связанность с интересами и потребностями определенных классов»⁹.

Мысль, в общем-то, правильная, но малореалистичная в плане того, что марксизм не размифологизирует реальность. Марксизм, так же как и другие «буржуазные теории» (марксистская терминология), изобилует мифологемами, за которыми скрывается всё та же реификация, дегуманизирующая социальные институты. Именно этим объясняется вера в верность учения и признания за этим учением статуса светской религии.

Современная российская интеллектуальная традиция прошла длительный путь в своем развитии, как отмечает А. И. Клименко, увлекаясь то буржуазными идеологическими концепциями, то марксист-

⁸ Честнов И. Л. Обзор всероссийской научно-теоретической конференции «Постклассические исследования права» на тему: «Перспективы правового реализма» // Криминалист. 2025. № 3 (52). С. 48.

⁹ Клименко А. И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 6. С. 71. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-klimenko. EDN: DAOPEW

скими и этатистскими (юридико-позитивистскими), однако сегодня как никогда современная теория государства и права нуждается в своей методологической парадигме, учитывающей национальные интересы, показывающей государство и право в контексте сложившейся российской правовой традиции.

Новые концепции понимания права чаще всего апеллируют к реалистичности, черпая оттуда творческую энергию и веру в то, что они преодолевают мифологизм прежних классических концепций. Так, например, преодолевая классический юридический позитивизм, антропологические реалистические концепции поставили под сомнение мифологему о верховенстве суверена и его воле, возведенной в закон; та же участь постигла и юснатурализм с его верой сначала в логос, а затем и в неотчуждаемые права и свободы индивида. Досталось от реализма и аутентичному марксизму, выводящему коммунистическое общество из недр формационного подхода.

Классические подходы понимания права — юридический позитивизм (этатизм) и юснатурализм — представляли два диаметрально противоположных ракурса понимания права, противопоставляя государство индивиду и наоборот. Мифологизированный образ государства и права в обоих случаях происходил из реификации, которую обеспечивала идеология. Мифологемы классических доктрин выглядели реалистично до тех пор, пока в них верило большинство населения, а интеллектуальная элита подпитывала эту веру многочисленными официально признанными истеблишментом текстами.

В современных реалиях марксизм как учение о государстве и праве не утратил полностью потенции в своем развитии. По-прежнему в России¹⁰ и в мире¹¹ выходит огромное количество работ, написанных с обозначенных позиций. В ряде стран, например в Китае, Северной Корее, Лаосе, марксизм выступает как идеологическое ядро политико-правовой системы. Марксизм показал свою жизнеспособность и после распада СССР. Однако в методологическом плане марксистская доктрина требует критического осмысления на предмет реалистичности его мифологем в современных условиях. Нет оснований утверждать, что многие мифологемы были изначально нереалистичны, в них просматривалась конвенция и вера в то, что они существуют на самом деле, а не только на бумаге.

Поэтому мифологема «бытие определяет сознание» с точки зрения официального марксистско-ленинского диалектического материализма выглядела вполне реалистично. Так же реалистично выглядела мифологема о том, что базис первичен, а надстройка вторична. Не вызывала сомнений и мифологема о том, что каждому по способностям и каждому по потребностям и что право отомрет вместе с государством. С позиций сегодняшнего дня более адекватной представляется идея о том, что все социальные феномены интерсубъективны, а равное распределение — нереалистичный миф. Отмирание государства и права в современных реалиях также выглядит как нереалистичная мифологема, которая снова в перспективе может стать реалистичной. Для ее реалистичности необходимы будут новые условия и, конечно, конвенция большинства с соответствующей ей реификацией.

Таким образом, мифологемы марксизма об объективности социального мира, демонизация современного классового общества и права как механизма, обеспечивающего эксплуатацию одних — другими, требуют пересмотра, хотя эксплуатация как механизм, с помощью которого происходит обогащение, мифологемой не является. Иначе смотрят на феномен эксплуатации либералы и либертарианцы, видя в эксплуатации мифологему, поскольку рыночники связывают прибыль с оптимизацией ресурсов и внедрением новых технологий, а не с несправедливым вознаграждением или распределением богатства. Кроме того, мифологема мирового прогресса с первенством европейских государств также требует пересмотра, хотя для того времени, когда формировался аутентичный марксизм (XIX — нач. XX в.), эта идея выглядела вполне реалистично.

¹⁰ Сырых В. М. Прощай, классика, вперед к материалистической теории права! // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 42–55; Клименко А. И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 6. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-klimenko. EDN: DAOPEW; Левакин И. В. Социально-классовая теория марксизма и современное государство // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 2. С. 24–37. EDN: QGAWBC

¹¹ Kennedy D. A Contrast and Comparison of Critical Legal Studies and Neo-Marxism. Harvard University Press. 1997; Шлаг П. Формализм и реализм в руинах (обозначение логики коллапса) // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 4. С. 18–55. DOI: 10.22394/3034-2813-2024-4-18-55. EDN: YUJNT

Нереалистично сегодня выглядит мифологема о том, что в авторитарных правовых традициях нет права, однако в начале 90-х гг. XX в. либертарная теория В. С. Нерсисянца и В. А. Четвернина доказывала обратное. Либертарная теория, базирующаяся на юснатурализме, изобилует мифологемами, преимущественно связанными с природой человека (субъективными правами). Западная правовая традиция индивидуализма, представленная мифологемами верховенства права, господством частной собственности и негативной свободой, понимаемой в контексте ограничения воли государства, сформировала огромное множество «реалистических» теорий. Эти теории выражают различные формы активизма — от гендерного самоопределения до киборгизации и включения искусственного интеллекта в человеческую повседневность. В этих теориях реалистичность мифологем подтверждается практически, однако с известной долей условности, конечно.

Таким образом, идея права в индивидуалистической версии лежит в основе европейской правовой традиции, и новые проекты «разумного» мироустройства вполне вписываются в различные реалистические концепции наподобие киберфеминизма (Д. Харауэй)¹² и различных фрик-теорий. Их объединяет общая неолиберальная идеология с неизменным набором мифологем о свободе и верховенстве права с приматом частной собственности, толкуемой расширительно, и складывающаяся на ее основе, как полагает Ф. Феррандо, постгуманистическая эпистема¹³.

Таким образом, мы видим, что назрела необходимость не только в пересмотре классических подходов с их набором мифологем, но и в выработке принципиально нового методологического реалистического основания, учитывающего как прежние теоретические наработки позитивизма, юснатурализма и марксизма, так принципиально новые теоретические конструкции, выходящие на междисциплинарный уровень. Однако это не означает отсутствия в новых концепциях мифологем, но предполагает их критическое прочтение и адаптацию к традиции.

Актуализация отечественных реалистических концепций и их философское обоснование также обусловливается идеологическими баталиями, развернувшимися на поле брани между западными и незападными (восточными) цивилизациями. Причиной тому выступают притязания тех, кто больше не хочет идти по проторенной западным либерализмом дороге и верить в мифологемы о «вечном мире» и единственно верном политическом устройстве с набором универсалий. Конец истории не наступил, как прочил в 90-е гг. XX в. известный американский социальный философ японского происхождения Ф. Фукуяма, понимая под концом истории унификацию правовых традиций, связанную с англо-саксонской вестернизацией (глобализацией)¹⁴. Эта идея подпитывалась очередной мифологемой о прогрессивности либерализма и дикости, отсталости прочих. Поэтому сегодня конструирование правопорядка, «видения и делания» социального мира в соответствии со своими национальными интересами, выраженными в своих мифологемах, обрело архиважное значение для политических элит России, Китая, Ирана и др.

Перечисленные государства, как полагал Г. Киссинджер, вовсе не государства, а цивилизации¹⁵, со своей правовой традицией, в которой прослеживается многотысячелетняя история, со своей цементирующей мифологией. Можно утверждать, что адекватное изучение права должно основываться на новых подходах, акцентирующих внимание на правовой традиции и мифологемах ее формирующих.

Таким образом, познать свое право и право других народов можно только с обновленных позиций. Ключевым аспектом познания должна стать не догма права или докса, а правовая традиция, содержащая квинтэссенцию правовой жизни народа, сконструировавшего эту традицию. Весьма уместно обратиться к цитате великого методолога всех времен и народов, правда, не очень популярного сегодня в западном политико-правовом дискурсе, — Г. Гегеля: «Традиция не есть лишь домоправительница, которая верно оберегает полученное ею и, таким образом, сохраняет его для потомков и передает им его не умаленным, подобно тому как течение природы, в вечном изменении и движении ее образов и форм, остается

¹² Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / пер. с англ. под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 322–377.

¹³ Феррандо Ф. Философский постгуманизм. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 358 с.

¹⁴ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2004. 588 с. EDN: QOCIBD

¹⁵ Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2014.

навсегда верным своим первоначальным законам и совсем не прогрессирует. Нет, традиция не есть неподвижная статуя: она живая и растет подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше он отходит от своего истока»¹⁶.

Правовая традиция всегда и в любой культуре реифицируется в мифологемы, а ее легитимация обычно доктринально закрепляется в различных текстах культуры. Правовая традиция — это комплексная традиция, в ее формировании участвуют не только ныне живущие поколения, но и все прочие, уже ушедшие в мир иной. Поэтому преемственность масштаба должного, возможного и необходимого поведения исторически воспроизводится в социальной практике именно в мифологической форме.

Таким образом, новые складывающиеся реалистические концепции должны учитывать правовую традицию и ее мифологизм. Этот мифологизм неискореним, поскольку, как мы отмечали ранее, мифологическое сознание вплетено в человеческий когнитум и преднабденный мир не тождественен миру, конструируемому человеком. Миф заполняет трещины и лакуны в субъективной реальности, проецируемой на повседневные практики. Апеллируя к российской правовой традиции, стоит отметить, что те конституционные новеллы, которые были включены в тело российского конституционализма в 2020 г., закрепили традиционные ценности в качестве государствообразующих. Семья, государство, религия, как они существовали на протяжении тысячелетней истории, в современных реалиях призваны обеспечить преемственность, непрерывность в историческом развитии. Эти институты, несомненно, также овеяны мифологизацией, особенно в части их идеализации, но они по-прежнему реалистичны, как с точки зрения повседневных практик, так и конвенции между населением страны и властью.

Выводы

На основании вышеизложенного можно констатировать, что мифология — неотъемлемый атрибут правовой традиции, в ней содержится конвенция между богами и людьми, предками и потомками. Мифологемы всегда ценностно нагружены, они закрепляются на уровне общественного сознания в текстах культуры и в качестве императива воспроизводятся в повседневных практиках. Все без исключения нормативные системы мифологичны, но в большей степени мифологично само право. Поэтому миф и его производные — мифологемы — отнюдь не архаика, а необходимое, цементирующее ядро всей человеческой социальности, проявляющейся в интеллектуальной традиции. В основе практически каждого типа правопонимания лежит своя идея, свой образ, мифологически реифицированный в той или иной форме. Складывающиеся постклассические подходы должны учитывать это обстоятельство, и мифологизация права не должна игнорироваться.

Список источников

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания // П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ). Избранное. Образ общества / пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 702 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука: Санкт-Петербургская издательская фирма, 1993. 477 с.
4. Грязин И. Н. Право есть миф // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5 (298). С. 72–95. EDN: OZCECH
5. Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2014. 635 с.
6. Клименко А. И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15, № 6. С. 58–76. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-klimenko. EDN: DAOPEW

¹⁶ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб., 1993. С. 70.

7. Левакин И. В. Социально-классовая теория марксизма и современное государство // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 2 (24). С. 24–37. EDN: QGAWBC
8. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: Европейский дом, 2002. 399 с.
9. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 382 с.
10. Ломакина И. Б. Мифологизация как способ переживания исторических событий // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб.: Астерион, 2020. С. 48–53. EDN: BPLBTV
11. Ломакина И. Б. Постигание правовой действительности: от научной традиции к символическому универсуму // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 3 (20). С. 23–29. DOI: 10.17816/RJLS18997. EDN: NGCQJH
12. Ломакина И. Б. Мифологическое мышление как протоправовое явление // Криминалистъ. 2019. № 3 (28). С. 81–85. EDN: VOLWCM
13. Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М.: Юнити-ДАНА, 2013. 151 с. EDN: UEKWET
14. Сырых В. М. Прощай, классика, вперед к материалистической теории права! // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 42–55.
15. Феррандо Ф. Философский постгуманизм. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 358 с.
16. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2004. 588 с. EDN: QOCIBD
17. Честнов И. Л. Обзор всероссийской научно-теоретической конференции «Постклассические исследования права» на тему: «Перспективы правового реализма» // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 146–158.
18. Шлаг П. Формализм и реализм в руинах (обозначение логики коллапса) / пер. с англ. А. М. Хмелевского, под ред. Е. Г. Самохиной // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 4 (22). С. 18–55. DOI: 10.22394/3034-2813-2024-4-18-55. EDN: YYIJNT
19. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / пер. с англ. под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 65–107.
20. Kennedy, D. (1997) A Contrast and Comparison of Critical Legal Studies and Neo-Marxism. *Harvard University Press*.

Об авторе:

Ломакина Ирина Борисовна, профессор кафедры теории и истории государства и права Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербургский юридический институт), доктор юридических наук, профессор; e-mail: lomakina7311@gmail.com
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>

References

1. Berger, P., Lukman, T. (1995) Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge. *Medium*. 322 p.
2. Weber, M. (1994) Sociology of Religion (Types of Religious Communities). Selected Works. The Image of Society: Translated from German. *Yurist*. 702 p.
3. Hegel, G. W. F. (1993) Lectures on the History of Philosophy. Book 1. *Nauka: St. Petersburg Publishing House*. 477 p.
4. Grazin, I. N. (2011) Law is Myth. *Izvestiya of Higher Educational Institutions. Law Studies. Publisher: St. Petersburg State University*. No. 5 (298). Pp. 72–95. (In Russ.)
5. Kissinger, G. (2014) About China. *AST*. 635 p.
6. Klimenko, A. I. (2020) Marxist Foundations of Contemporary Philosophy of Law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. Vol. 15. No. 6. Pp. 58–76. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-klimenko (In Russ.)

7. Levakin, I. V. (2025) The Marxist Social Theory and the Modern State. *Theoretical and Applied Law*. No. 2 (24). Pp. 24–37. (In Russ.)
8. Levi-Bruhl, L. (2022) Primitive Mentality. *Yevropeyskiy Dom*. 399 p.
9. Levi-Stross, K. (1994) Primitive Thinking. *Respublika*. 382 p.
10. Lomakina, I. B. (2020) Mythologization as a Way of Experiencing Historical Events. In: Bochkarev, S. V. (eds). *Legal Forms of Experiencing History: Practices and Limits*. *Asterion*. Pp. 28–53. (In Russ.)
11. Lomakina, I. B. (2019) Comprehension of Legal Reality: From the Scientific Tradition to the Symbolic Universe. *Russian Journal of Legal Studies*. Vol. 6. No. 3 (20). DOI: 10.17816/RJLS18997 (In Russ.)
12. Lomakina, I. B. (2019) Mythological Thinking as a Protolegal Phenomenon. *Criminalist*. No. 3 (28). Pp. 81–85. (In Russ.)
13. Malakhov, V. P. (2013) Myths of the Modern General Theory of Law. *UNITY-DANA*. 150 p. (In Russ.)
14. Strykh, V. M. (2014) Farewell, Classics, Forward to the Materialistic Theory of Law! *Jurisprudence*. No. 5 (316). Pp. 42–55. (In Russ.)
15. Ferrando, F. (2022) Philosophical Posthumanism. *Higher School of Economics Publishing House*. 358 p.
16. Fukuyama, F. (2004) The End of History and the Last Man. *AST: Ermak*. 588 p.
17. Chestnov, I. L. Review of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference “Postclassical Legal Studies” on the topic: “Prospects of Legal Realism” // *Criminalist*. 2025. No. 3 (52). Pp. 146–158. (In Russ.)
18. Shlag, P. (2024) Formalism and Realism in Ruins (Mapping the logics of collapse) // *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (22). Pp. 18–55. DOI: 10.22394/3034-2813-2024-4-18-55
19. Haraway, D. A (2005) Manifesto for Cyborg: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s. *Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)*. Pp. 65–107.
20. Kennedy, D. (1997) A Contrast and Comparison of Critical Legal Studies and Neo-Marxism. *Harvard University Press*.

About the author:

Irina B. Lomakina, Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (St. Petersburg Law Institute), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor; e-mail: lomakina7311@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.